

Ульяна Мамбеева

МЫ СЖИГАЛИ МОСТЫ, НЕ ЗНАЯ, ЧТО ОНИ ВЕЛИ ДРУГ К ДРУГУ

Только фриктивно,
МАЖОР

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

МОЛОДЁЖНЫЙ ЛЮБОВНОЙ РОМАН

Инна Матвеева

Только фиктивно, мажор

<https://litres.ru/73966008>

SelfPub; 2026

Аннотация

Илья Золотов — звезда нашего универа, мажор и парень с безупречной репутацией. Противостоять такому точно не стоит. Справиться с ним — без шансов. Но когда-то я отказала ему, а теперь он единственный, кто может мне помочь. Вот только что захочет за роль моего фиктивного парня?

Содержание

Глава 1. Аврора	4
Глава 2. Аврора	12
Глава 3. Аврора	28
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Инна Матвеева

Только фиктивно, мажор

Глава 1. Аврора

Это какой-то кошмар. Не верю, что действительно сделаю это, но Вика сказала, что может сработать. А мне сейчас любой вариант подойдёт.

Папу забрали под следствие. Буквально вчера. За самые разные махинации, контрабанду и взяточничество. Мама у меня яро отстаивает отца в судах, и это тоже уже стало достоянием общественности. Ушлые журналисты не оставляют в покое. А жертв там по итогу достаточно много, и всю свою ярость выплёскивают на нас.

В общем, это вот-вот скажется на мне, и повод обратиться к Илье Золотову у меня есть. В универе, конечно, вряд ли будут травить, скорее сторониться или перешёпываться. Но и этого может быть достаточно, чтобы привести к самым непредсказуемым последствиям.

Илья Золотов — звёздный парень нашего универа, мажор, чьё мнение для многих авторитет. Одно его присутствие может сделать из самого унылого мероприятия сенсацию. И при всём этом репутация у него... Уж не знаю, как держит, но получается, что все от него в восторге. Ничего негативно-

го я о нём не слышала, не читала в прессе и не натыкалась в соцсетях.

Подозрительно? Да наплевать. Связь именно с таким человеком — вот что может меня спасти по мнению Вики. И, увы, других хотя бы более-менее действенных вариантов у меня нет, а надо играть на опережение, пока скандал с отцом не проник и в универ. Тем более что защита моей репутации — не самая главная моя цель. Есть и другая... куда более важная.

Ради неё я и действую.

Обычно каждый вечер в это время Илья задерживается лупить боксёрскую грушу после физры. Он старшекурсник, я на втором. Но и то наслышана.

Вдох-выдох... Приходится давить в себе накатывающие воспоминания о нашем знакомстве с ним, которое было ещё на первом моём курсе. Увы, чем ближе я к спортзалу, тем настойчивее они становятся.

А дверь в тренажёрку приоткрыта. И оттуда доносятся звуки сильных ритмичных ударов. Какие-то секунды ещё торможу, но потом заставляю себя идти вперёд.

Илья ко мне спиной: в одной только чёрной безрукавке, которая только подчёркивает крепкое телосложение и развитые мышцы. Двигается быстро, технично, а эти самые мышцы перекачиваются с каждым ударом. Удары такие мощные, что как будто даже злые. Немного не по себе от такой силы. И... ярости?

— Привет, — прочистив горло, начинаю.

Илья не слышит. Ну или делает вид... Продолжает сыпать грушу ударами, от которых даже удивительно, что она ещё на месте.

Идеальному парню есть что выплёскивать?..

Неважно... И неловкость эту внезапную тоже ко всем чертям, туда же, куда лишние мысли.

— Я сказала привет, — громче обозначаю, делая шаг вперёд. Мелькает мысль коснуться Ильи, чтоб уж наверняка заметил меня, но отбрасываю пока. Может, всё-таки достаточно будет голоса?

И он всё-таки замирает. Руки в перчатках опускаются. Какие-то секунды Илья только и стоит так, а потом медленно поворачивается. Смотрит на меня нечитаемым, но ощущаемым тяжело взглядом.

— Воу, — бросает. Ни капли удивления в голосе. Хотя наверняка меня узнал... Ведь да? Уверена, мало кто отказывает самому Золотову Илье, да ещё и публично, как это сделала в своё время я. — Ты что-то хотела?

Этот тон... Отчуждённый, без какого-либо интереса, почти скучающий. На какой-то момент он вышибает, но беру себя в руки.

Не та у меня ситуация, чтобы размазнию включать.

— Я бы хотела поговорить, — глухо роняю пока что неопределённое.

— Я занят, — Илья снова поворачивается к груше.

— Это важно, — слегка повышаю голос. — Выслушай меня.

— Аврора, — с моим именем Илья лупит по груше, и звук получается оглушительным. — Я сказал, занят.

Груша раскачивается. Он бьёт ещё раз, и ещё. Я стою и смотрю. Потом зачем-то мысленно начинаю считать. Десять ударов. Двадцать. Золотов пытается выдавить меня игнором? Не сработает.

Помнит моё имя, значит... Хотя после того случая мы не пересекались, и он не искал встречи.

Хм, нет — одно столкновение всё же было. В стенах университета, в одном из корпусов, мы просто прошли мимо друг друга в коридоре. Как незнакомцы. Илья тогда спокойно смотрел на меня, а я с трудом выдержала его взгляд. Сама не знаю, почему. Станный осадок какой-то был после того, как грубо его отшила только из-за своего плохого на тот момент настроения.

Всё-таки отбрасываю идею дожидаться, пока Илья закончит с грушей. Выносливость у него, конечно... Такое ощущение, что дышалка вообще не заканчивается, уже даже я устала стоять на одном месте.

— Папу могут посадить в тюрьму, — не выдержав, выпаливаю.

Илья делает ещё парочку ударов по груше, и я уже начинаю подбирать другие слова. Те, которые могут его хоть немного заинтересовать.

Но, кажется, этих всё-таки достаточно. Груша медленно останавливается, а Илья разворачивается ко мне.

— И? — в его взгляде что-то всё-таки меняется. Только понять не могу, что... — Нужны мои бабки и влияние, чтобы отмазать, я правильно понимаю? — пренебрежительно.

— Это вряд ли получится, он под следствием, дело слишком громкое, а им и так занимается лучший адвокат, — заявляю, хотя на самом деле Илья прав. В первую очередь, от него мне нужно это. Но реалистка во мне не дремлет: так меня точно нахрен пошлют. Золотов смотрит так, будто готов это сделать в любой момент и по меньшему поводу.

Он не комментирует. Снимает перчатки, бросает их точным движением в корзину со спортивным инвентарём. Баскетбольные способности, значит, у него тоже имеются... Сплошной талант этот Илья, всеобщий любимчик, сильный, умный, красивый, при деньгах. И всё это, увы, объективные факты.

А я вот-вот изгой и без каких-либо козырей. Только с идиотским планом постепенно сблизиться с Золотовым так, чтобы был готов мне помочь, несмотря на любые риски. И при этом чтобы у нас не было никаких отношений... Я всё же не хочу продавать себя даже ценой свободы отца.

— Вопрос в другом, — давлю в себе эти мрачные мысли, и от этого мой голос звучит жёстче, чем должен бы. — История с арестом папы только разгоняется. И это не будет проходить бесследно для моей семьи. И для меня, понятное дело, тоже.

В лучшем случае в этом универе меня будут сторониться.
— Переходи к сути, — бросает Илья, когда я замолкаю.
Уверена, что он уже более-менее понимает, к чему я веду.
Не факт, что прям на сто процентов догадался, но предположить может.

Торопит... А мне сказать главное сложно всё-таки будет, да ещё и вот так, лицом к лицу, наедине.

— У тебя очень хорошая репутация, — начинаю издалека, на что Илья хмурится. Но ничего не говорит. Решаюсь: — Настолько хорошая, что твоё имя обелит моё в случае чего. Если ты... притворишься моим парнем...

Замолкаю. Какой-то опасный блеск в глазах Ильи появляется.

— Мне-то нахрена? — при этом спрашивает сухо, без эмоций.

Просто вопрос. Абсолютно логичный в этой ситуации.

— После того, что было... — с каждым словом мне приходится делать всё больше усилий, чтобы голос не дрожал и звучал более-менее уверенно. — В общем, в глазах остальных ты сможешь отыграть, что всё-таки заполучил меня.

Да, тот публичный жёсткий отказ в итоге не был унижением для Золотова — его репутацию нереально испортить, как я понимаю. Из любой ситуации выкручивается. Но уверена, его самолюбие было задето. Возможно, я для него своего рода незакрытый гештальт.

По крайней мере, это единственное, на что я могу наде-

яться. Потому что предложить ему за помощь мне объективно нечего.

Но Илья издаёт смешок, да и смотрит так, словно забавляется моим словам. И одновременно не верит до конца, что я такое ляпнула вообще.

Да уж... С чего я вообще взяла, что тот случай его прям уж задел? Возможно, Илья и забыл об этом. Вернее, не придавал и не придаёт значение. Моё имя-то помнит.

— А знаешь, ладно, — вдруг бросает. — Это будет занятно. Но на моих условиях.

— Каких? — толком ещё и не осмысливая реальность, уточняю.

— Я сам решаю, когда, где и как мы играем. Но при этом да, твоё имя будет связано с моим и ты будешь под моей защитой, — не нравится мне эта его ухмылка.

Кажется, идеальный парень решил поразвлекаться за мой счёт.

Не то чтобы у меня есть выбор...

Я, конечно, не так уж верю кристальной репутации Ильи, но вряд ли его ходы будут слишком жёсткими. Не похоже, что его тянет самоутвердиться. А с остальным справлюсь.

— Идёт.

На лице Ильи мелькает тень удивления, быстро сменяющаяся невозмутимостью.

— Значит, договорились, — безэмоционально подытоживает. — А теперь иди, я не закончил.

Да я как бы и сама хочу наконец выйти... Мне не по себе от принятого и утверждённого решения. Может, я даже подсознательно ждала, что Золотов меня пошлёт. А так вообще непонятно, что там у него на уме.

В коридоре прислоняюсь к стене, силясь справиться с учащённым сердцебиением. Куда там, сердце только сильнее заходится где-то в горле.

Я только что впервые за долгое время заговорила с Ильёй: тем самым, перед которым в глубине души чувствовала вину. Нехорошо тогда всё-таки получилось...

Но теперь-то что вспоминать. Я только что не просто заговорила с ним, а заключила непонятную сделку. По сути, доверилась. Потому что если моё имя и вправду станут связывать с его, а потом я заднюю дам — это уже будет прямым вызовом Илье, особенно, после того, что уже было.

Обратного пути теперь нет.

Глава 2. Аврора

От общаги до универа пешком можно дойти. Причём довольно быстро. Но я вынуждена идти в другом направлении — за ворота, с утра пораньше. Дойти почти до метро, всего на улицу ближе. Там Илья подберёт меня на машине, чтобы отвезти на занятия. И тем самым сразу показать, что мы теперь вместе.

План, конечно, неплох и даже хорошо, что Золотов сразу готов начать нашу игру. Не в моих интересах затягивать. Вот только мне всё равно не по себе, когда вот так иду ему навстречу. Мелькает мысль, что, возможно, это такое его издевательство небольшое. Заставлять меня просыпаться с утра пораньше и переть, куда мне не особо и нужно.

Благо, погода сейчас хорошая даже утром. Весна всё сильнее вступает в права, и даже приятно находиться на улице. Бодрит.

Довольно быстро дохожу до назначенного места. Ресторан. Причём я наслышана о нём, как, наверное, любой другой человек. Здесь ценник как моя зарплата в подработке лаборанткой. Той самой подработке, которой я лишилась на днях — мне намекнули, что про мою семью ходят разные разговоры, и лучше пока дожидаться окончательного приговора отцу.

Предсказуемо... Но всё равно неприятно.

Машину Ильи вижу сразу — её знает весь универ. Чёрный блестящий и хищный автомобиль, с первого взгляда на который понятно, что у него особенный владелец. Паркуется, когда я останавливаюсь рядом. И, похоже, Золотов тоже меня замечает — выходит прямо ко мне, как раз когда я уже направлялась, чтобы сесть в его машину.

— Позавтракать хочу, — поясняет Илья, даже не глядя на меня. — Успеваем.

Это-то понятно, что успеваем... Мы от универа недалеко. И да, я тоже не завтракала. Но цены в этом ресторане просто космические! Я их не потяну, а быть должной Золотову вдвойне не собираюсь. Даже по такой для него наверняка мелочи. Я ведь в перспективе собираюсь просить его о куда большем...

Но Илья не спрашивает, а утверждает — и вот уже идёт в ресторан. Мне ничего не остаётся, как идти следом. Ладно уж, просто посижу, заказывать ничего не буду. В таких ресторанах вроде как воду бесплатно подают, её и попью.

Стильный интерьер... Без вычурной роскоши, в синих тонах. Нас провожают до столика, и судя по тому, как говорят с Ильёй — он тут не в первый раз.

Но вот от нас уже отходят, оставляя нам меню, а я в него даже не заглядываю.

— Уже знаешь, что хочешь? — бросает мне Золотов, глядя в своё.

— Да, просто воду, — отвечаю как можно более непри-

нуждённо. — Я так рано обычно не ем.

Он поднимает на меня быстрый взгляд, почему-то обжигающий, хоть и вроде бы равнодушный. Потом какое-то время снова молча изучает позиции.

— Мы должны будем обговорить легенду наших отношений и ещё кое-какие нюансы, — откладывает меню и откидывается на свой диван, оглядывая меня с задумчивым прищуром. — Например, что моя девушка не должна питаться кое-как и носить обноски.

Обноски? Вообще-то у меня неплохая одежда. Да, вся из массмаркета и маркетплейсов, но выглядит очень даже неплохо. Уверена, что некоторые из моих вещей легко можно перепутать с каким-нибудь брендом.

Но говорю другое:

— Я ведь только фиктивно твоя девушка. Никто не будет знать, как я питаюсь, да и к одежде цепляться тоже не станут.

Илья усмехается моим словам.

— Ты хоть примерно представляешь уровень моей популярности? — бросает безэмоционально. — В любой момент папарацци могут зацепить тебя в дешёвой забегаловке. А это уже удар по мне, как я допускаю, чтобы моя девушка не доела. Про одежду то же самое. И это одно из.

Папарацци... Об этом я не думала. Но вообще-то мне такое на руку — потому что если о нашей семье начнут писать что-то более нормальное, чем то, что папа виновен во всех смертных грехах, а мы его покрываем — вырулить из всего

этого дерьма будет проще. Связать себя с Золотовыми...

Хм, а Илью не смущает, что моё имя будут связывать с его? Моё уже нехило запятнанное?

Впрочем, ладно, дело его. Скорее всего, Золотов имеет свои рычаги влияния. Вряд ли кто-то рискнёт намекнуть на что-то не то в отношении его — иначе наверняка хоть какой-то негатив о нём уже где-нибудь да мелькнул бы. Не бывает совсем безупречных людей. И вообще, я как таковую идеальность в Илье не чувствую. Даже не знаю, как это объяснить, но уверена, что там свои скелеты в шкафу есть.

— В общем так, — подытоживает Илья, отпуская официантку, которой делает заказ за себя и за меня тоже, пока перевариваю его слова. — Обдумай ещё раз, во что ты ввязываешься и готова ли идти до конца. Потому что соскочить не получится. Я не намерен возиться с детским садом в виде твоих капризов, где то да, то нет.

Жёстковато, но справедливо. Киваю.

Может, вчера Илья что-то такое и имел в виду, когда говорил, что всё будет по его правилам? Именно это, а не то, что собирается развлечься за мой счёт?

Но тогда, конечно, возникает вопрос, зачем ему это... Вопрос, который я, пожалуй, не рискну задать.

— Ладно, я готова идти до конца. Одежда, питание, образ жизни... Пускай. Это всё равно ведь на какое-то время, — подытоживаю как можно более уверенно. — Но я не хочу делать всё это за твой счёт, поэтому надо найти альтернати-

ву. А по поводу...

— Альтернативы нет, — перебивает меня Золотов. — И если ты собираешься трястись из-за каждой копейки, тогда уходи прямо сейчас и не теряй моё время.

Сглатываю. Так и хочется возразить Золотову, но такой холодный у него взгляд, строгий даже, что не решаюсь. Понятия вообще не имею, что у него на уме сейчас.

Я ведь уже твёрдо решила, что ради папы рискну. Договорюсь да хоть с самим Ильёй Золотовым, насколько бы простым тот ни был.

— На твоих условиях так на твоих, — только и подытоживаю, даже выжимая из себя улыбку.

— Кстати, об этом, — Илья не улыбается в ответ, но чуть медленнее скользит взглядом мне по лицу. Аж улыбаться не по себе становится, и я быстро серьёзнею. — Я привык трогать и целовать своих девушек, как хочу, и если ты будешь сопротивляться, нас быстро спалят. Так что сразу давай на берегу решай, готова к этому или нет.

Не понимаю... Как можно говорить о таких вот условиях с таким сдержанно холодным выражением лица. Илья ни разу не выглядит заинтересованным в этой самой игре, он даже меню читал с большими эмоциями во взгляде. Тоже не сказать, чтобы яркими, но хоть какими-то...

Всё внутри сжимается в тугой комок от волнения от одной только мысли о том, чтобы попробовать спорить с ним, своё продавливать. А вдруг соскочит? Не слишком ли рано

мне начинать? Надо бы почву сначала прощупать, понять, что там на уме у Ильи... Зачем-то же согласился. Не верю, что у мажора мало способов себя развлечь — да и не похоже, что таким образом реально развлекается.

— У тебя ведь репутация безупречная, это мало сочетается с тем, чтобы лапать девушек у всех на виду, — всё же решаюсь возразить.

Наши взгляды сталкиваются, и я прямо физически ощущаю внезапное напряжение между нами. Кажется, даже воздух становится плотнее.

— У меня безупречная репутация молодого парня, а не безразличного ко всему старпёра, — спокойно возражает Илья. — К тому же, безупречная репутация не должна быть скучной, так что подобные вольности я себе всегда позволял и не собираюсь прекращать.

Так и хочется поддеть, что это такой себе способ пользоваться ситуацией и лапать меня: отмазываясь такими вот легкомысленными объяснениями. Но не решаюсь. Илья такой уверенный сидит передо мной, что я не удивлюсь, если высмеет такое вот предположение. Он же и на мои слова о том, чтобы показать всем, что всё-таки заполучил меня; смешок тогда издал. Откровенно скептический.

Такое у него лицо... Словно скульптурно выточенное. Слишком идеальное. Телосложение, насколько я помню, тоже.

Золотов вообще живой? Может ошибаться? Эмоциями

пылать?

— В общем, обдумай и это, потому что будет либо как я сказал, либо никак, — подытоживает он, сразу взявшись за кофе, который ему приносят.

Американо, насколько я успеваю понять... А мне латте заказал. Что ж, угадал — да, наверняка дело именно в этом. В университетскую столовую Золотов вроде бы не заходил никогда, а даже если вдруг забредал, вряд ли подмечал, что я всегда заказываю.

Ммм... А в этом ресторане не просто латте, а напиток богов какой-то. Смакую сделанный глоток.

— У меня нет особого выбора, это вопрос моего будущего в этом универе, — говорю, не поднимая взгляд на Илью.

Такое себе согласие целоваться с ним... Адски не по себе произносить эти слова — но по факту у меня на кону куда большее, чем будущее в универе.

А Илья издаёт какой-то звук, похожий на хмыкание. Похоже, не думал, что я так быстро согласие дам.

— Только не переусердствуй, — на всякий случай добавляю.

— Не горю желанием, — Илья бросает на меня быстрый нечитаемый взгляд, прежде чем приняться за свой завтрак. Набор бруске́тт с разными начинками. А у меня нечто непонятное в красивой керамике. — Но к вопросу о желаниях... — ухмыляется одним уголком губ.

А я так и замираю с ложкой, не поднося её ко рту. Вдруг

как жаром обдаёт от последних вкрадчивых слов Золотова.

И как-то резко приходит осознание, что Илья реально будет меня трогать. Возможно, даже лапать. Целовать. И осознавать это всё, понимать неизбежность происходящего... Это слишком. Особенно когда он такой реальный и отчуждённый сидит напротив.

И почему-то его «не горю желанием» ничуть не успокаивает, скорее наоборот.

— Мне придётся ограничить себя во встречах с другими девчонками, чтобы это не ударило по тебе, — обыденно бросает Илья, прожевав первую из брускетт. Принимаюсь и за свой завтрак: и, Божечки, какой же вкусный. Так и тает во рту, хотя не могу определить, из чего сделан. И не сразу даже сознаю смысл слов Золотова: — Соответственно, я буду ограничен в сексе, а я к этому не привык. Восполнишь?

Леденею. Этот невозмутимый тон Ильи, взгляд ничуть не изменившийся... И такие слова. В общем-то оскорбительные даже. Мгновенно заставляющие пылать.

Он же... не может, блин, серьёзно это всё!

— Я не настолько в отчаянии, — цежу. — Так что восполняй сам, ничего страшного, даже если будут ходить слухи о твоих возможных изменах. Переживу.

Золотов снова издаёт смешок, а я отвожу взгляд, силясь справиться с внутренней дрожью. У меня вообще-то опыта в таких делах даже нет — да, в мои девятнадцать. И я даже представить себе не могу...

И нет, не буду. Уж тем более, не сейчас, когда Илья на-
против меня скалится. Да вообще никогда!

— Расслабься, — бросает лениво. — Просто хотелось
узнать, насколько тебе надо.

Как удар его слова. Не похоже, что ради унижения бро-
шенные, но напоминающие о моём положении, где я в пол-
ной мере завишу от милости этого мажора. Мажора, у кото-
рого вообще непонятно что в башке.

— Но, разумеется, ограничения в контактах с противопо-
ложным полом действуют в обе стороны. Ты чтобы тоже за
период нашей игры ни с кем другим не сближалась, — это
Илья добавляет непривычно жёстко.

Конечно, я обещаю Илье, что такого не будет. Даже гово-
рю, что мне сейчас уж точно не до парней — истинная прав-
да. Мы обговариваем и ещё кое-какие детали, уже менее зна-
чительные: обсуждаем историю начала наших отношений. В
итоге решаем, что несколько раз снова и снова как бы слу-
чайно сталкивались в коридоре, и однажды всё-таки загово-
рили, уже оба замяв тот эпизод с моим публичным отказом.
А там пошло-поехало, слово за слово... И вот вчера у нас бы-
ло свидание.

Золотов милостиво предложил вариант, при котором ка-
кое-то время будет как бы добиваться меня. Флиртовать со
мною, цветы дарить, какие-то жесты внимания оказывать. Но
я отказалась. Не столько потому, что не хочу тянуть время,
а потому, что не тянет быть у него в долгу. Илья и без того

слишком мне навстречу идёт, ещё и одежду новую мне оплачивать собирается. И это, как я понимаю, лишь часть предстоящих расходов. Плюс упомянутые им ограничения...

Я пока не вижу никаких плюсов для него. А учитывая, что собираюсь в будущем ещё воспользоваться его внезапной добротой — пусть хотя бы не ломает голову над тем, как «понравиться» мне. Вот уж эту часть ни к чему разыгрывать.

И вот мы уже в машине. Едем к универу — здесь недалеко совсем, да и пробок обычно нет даже по утрам. Если я пешком шла от силы десять минут, может, чуть больше — то в машине уж точно не придётся проводить много времени.

И хорошо. Потому что хоть мы и в просторном салоне, но сидим куда ближе, чем там, в ресторане... И в закрытой кабине автомобиля это почему-то ощущается особенно остро. Конечно, глупо было бы садиться на заднее сидение, но на какой-то момент меня всё-таки пронзает мысль, что можно было сделать так.

Упорно смотрю в окно. Подмечаю, что вот уже скоро мы приближаемся к универу. Вдалеке уже виднеется знакомая парковка, где обычно тусуется местная «элита». Илья вдруг сбрасывает скорость и останавливается прямо перед въездом, не доезжая до основного скопления машин.

— Я тут подумал, — заговаривает, хотя до этого мы ехали молча. — Первый поцелуй лучше не делать демонстративно публичным.

Сердце пропускает удар. Конечно, мы обговаривали, что

будем целоваться, но слова Золотова как врасплох застают. Машинально смотрю на его губы и тут же отвожу взгляд, надеясь, что он не заметил.

— А... В смысле? — только и умудряюсь выдавить.

— Будет лучше, если нас как бы случайно застанут, — невозмутимо поясняет Илья, пока я прилагаю усилия, чтобы уловить смысл его слов. Не самая простая задача, когда дурацкое волнение от темы накатывает всё сильнее. — Так пойдут первые разговоры, а потом мы уже как бы перестанем скрываться. А первое время можно так, типа тайно, чтобы все усекли, что это другое, не то, что у меня обычно было.

Зачем-то хмурюсь. Хотя до рассудка запоздало доходит, что Илья предлагает неплохой вариант — как и обычно. И, как и обычно, делает это без особых эмоций. Не сказать, чтобы личный интерес так проклёвывался.

Взять бы себя в руки наконец...

— Ты прям серьёзно к этому подходишь, — усмехаюсь по-дурацки, чтобы хоть как-то перебить непрекращающийся невроз.

И почему Илья не въезжает в ворота универа?

— И тебе советую, — бросает небрежно. — Мы в одной связке теперь, и раз уж вписались в это, лажать не должны. Возле моей машины вечно кто-то трётся. Так что это идеальный вариант: припарковаться и поцеловаться. Через пять минут об этом будет знать весь универ, но в то же время это будет как бы наедине. Как будто мы не хотели, чтобы нас ви-

дели.

Киваю, потому что не в силах выдавить ни слова. Конечно, надо было быть готовой к таким поворотам, но я какого-то чёрта даже думать об этом как будто не решалась. Отгоняла от себя мысли о любой взаимодействии с Ильёй, даже зная, что оно неизбежно.

— Тогда будь к этому готова, — Илья снова берётся за руль.

Но прежде чем заехать в ворота универа, смотрит на меня. И такое ощущение, что взгляд у него сейчас темнее, чем обычно. Не такой холодный... Но и не сказать, чтобы горячий. Скорее изучающий. Чуть задумчивый... И глубокий какой-то, до непривычности.

Ни понять ничего, ни сообразить, ни подготовиться не успеваю — вот мы уже въезжаем на территорию универа. И да, во дворе то и дело мелькают фигуры студентов. Я их не знаю, но с вероятностью сто процентов они узнают машину. Про Илью Золотова в курсе даже абитуриенты этого университета. Не удивлюсь, если и преподавы шушукаются о нём.

Боже, во что я ввязалась...

Унять бы бешено колотящееся сердце. Это всего лишь игра. Всего лишь спектакль для чужих глаз. Я должна помнить об этом.

Должна.

Но грудь чуть не разрывается от ударов сердца, когда Илья всё-таки тормозит машину и разворачивается ко мне. Пер-

вый же порыв — вырваться, выйти из машины, и пошло всё к чёрту... Ну не готова я целоваться сейчас!

Мужская рука зарывается мне в волосы, надавливая на затылок. Вздрагиваю и закрываю глаза, силясь расслабиться. Это же просто чмок будет? Илья говорил, что сам не горит желанием переусердствовать. Я помню, это было, и если что, напомним ему...

И вообще, мы можем только делать вид, что целуемся, а не на самом деле. Может, Золотов тоже пришёл к этим выводам сейчас? А то я не чувствую его губ на своих. Только что он чертовски близко... Неровное горячее дыхание его чувствую, руку в волосах. И, кажется, взгляд. Илья так и не закрыл глаза?..

Не успеваю открыть свои и проверить. Или даже прошептать, что да, лучше вот так имитировать поцелуи, потому что со стороны наверняка выглядит так, будто мы целуемся. Потому что в момент, когда я более-менее свыкаюсь со своим положением и прихожу в себя, губы Ильи касаются моих. Прямо-таки обжигают. Кажется, я снова вздрагиваю, и на этот раз куда более крупно — Золотов сто процентов улавливает.

На это он фиксирует ладонью мой затылок так, что вырваться мне без шансов. Подмечаю это скорее где-то в отголосках подсознания, пока силюсь хоть как-то ладить с реальностью. Горячие губы мажора двигаются по моим, чуть сминают, посасывают верхнюю. Меня простреливает буквально

от каждого его действия. Толком не отвечаю и не сопротивляюсь, но не похоже, что это как-то влияет на Илью. Он вот явно намерен вложиться по-полной. Уж не знаю, во всём вот так по-максимум действует, или всё-таки пользуется моментом... В конце концов, я когда-то ему нравилась.

И сейчас, когда его язык очень даже жадно проскальзывает в мой мимолётно открывшийся рот, возникает настойчивое ощущение, что симпатия Золотова не то чтобы в прошлом. У меня, конечно, нет опыта в поцелуях... Но слишком уж обдаёт волнами жанра, а ещё каждой клеточкой улавливаю только нарастающее желание Ильи.

Машинально чуть дёргаюсь назад, когда это ощущение переполнять начинает. Настолько, что даже напрягает.

— Это что, твой первый поцелуй? — шепчет мне в губы Илья, и на этот раз его голос не звучит привычно невозмутимо. Какие-то другие нотки там... — Вообще-то ты мне отвечать должна. Считай это репетицией для публики. Деревянную тебя сразу считают.

Жар ещё настойчивее приливает мне к лицу от этих слов мажора, которые словно вибрацией мне по телу раздаются, приятно щекоча губы. Вот только смысл сказанного...

Вообще-то да, это мой первый поцелуй. Так уж получилось. В девятнадцать, ага. Ну что я могу поделать, если до этого возраста никакой парень не вызывал во мне ничего? Не целоваться же с первым попавшимся. У меня даже интереса к этому не было.

Я и сейчас с трудом верю, что иду на такой шаг...

— Просто... — начинаю, даже не зная, что собираюсь сказать.

Но в любом случае не успеваю: похоже, Илья решает, что не стоит меня слушать. Снова целует меня, на этот раз сразу с напором, до боли сжимая мне волосы, тиская ещё и свободной рукой. Буквально обрушивает на меня такую волну нетерпения, что тело снова пробирает дрожь. Но на этот раз не от неожиданности... От отклика странного и внезапного. Эта дикая жадность Золотова чуть ли не заразительна и иначе как объяснить, что начинаю шевелить языком в ответ? Причём сознаю это даже не сразу, как не в себе действую.

И... кажется, я всерьёз увлекаюсь. Мне вдруг не хочется останавливаться, и осознание этого застигает врасплох. Мне не может быть приятно и не по себе одновременно! Это странно. Тем более, с непредсказуемым и обычно холодным мажором, по которому и без того страдает немало девчонок нашего универа. Не стоит пополнять их ряды.

Я и не буду!

Золотов тискает меня периодически с таким энтузиазмом, что наверняка на нежней коже останутся следы. Но мне почему-то нет до этого дела. Единственное, что волнует меня где-то глубоко-глубоко в подсознании, скрытом волной новых ощущений — может, мне стоит самой остановить распалившегося мажора? Или он всё-таки контролирует ситуацию?

За меня решает мой же телефон. Неожиданно так звонит. Илья тут же отпускает меня, будто не целовал только что так, будто это важнее всего. А я толком в себя прийти не успеваю, только и достаю гаджет из кармана лёгкой курточки. Мама... Надо будет перезвонить. Вдруг по папе новости.

Эта мысль напоминает о главном. Перевожу взгляд на Илью и вижу, что он уже спокойно выходит из машины. Так ничего и не сказав. Ну правильно, сыграл роль, чего теперь ждать...

Сыграл. Да, скорее всего, это была просто игра. А мне по неопытности показалось, что Золотов слишком увлёкся... Пфф, из нас двоих он куда быстрее пришёл в себя. Ему словно и нужды не было это делать.

Выхожу следом. Что ж, игра начинается...

Глава 3. Аврора

Я, конечно, готовила себя к тому, что новость о наших с Ильёй «отношениях» вот-вот разлетится по универу, и я стану всем заметна. Но, честно говоря, не ожидала, что настолько быстро это произойдёт. Прямо частота разгорающегося лесного пожара какая-то, и это слегка напрягает. Очень ощутимо окунает в понимание, с кем я всё-таки связалась. Всё, что связано с Золотовым — сенсация для большинства обычных людей, к которым ведь отношусь и я.

Пока мы шли от парковки до универа, обсуждая, у кого какие пары и где встретимся после занятий, было проще. Да, чувствовались взгляды, я даже как будто фразочки отдельные с оценкой меня ухватывала чьи-то — но в целом терпимо было.

Но вот уже большая перемена, и Илья встречает меня возле моей аудитории, чтобы отвезти пообедать в ресторан. И для копивших любопытство однокурсников и прочих, до кого только доносились разговоры о нас, это становится поворотным моментом.

Мы с Ильёй идём к его машине, и я не могу не подмечать, насколько это вызывает внимание буквально у каждого. А мажор ведёт себя так, словно привык к этому и даже не ощущает. Кажется, одно только его присутствие прочерчивает невидимую границу между ним и остальными, потому что все

разговоры и взгляды достаются мне. Так и хочется ускорить шаг или затеряться среди таких же, как я.

Но нельзя... На кону слишком многое. Мама в том своём звонке сказала, что наш адвокат предлагает пойти на сделку с признанием вины. Так себе звоночек...

Да и не только в папе дело. В этой связке фиктивных отношений я уже не одна, и подставлять по каким бы то ни было причинам доброго ко мне Илью не тянет.

— Не суетись, — тихо бросает он, даже не глядя на меня.
— Иди ровно.

Машинально расправляю плечи, хотя внутри всё сжимается от напряжения. Как он вообще замечает такие мелочи? Смотрит прямо перед собой, а кажется, что видит меня насквозь.

Когда мы проходим уже к лестнице, ведущей из универа, решаюсь заговорить. Вроде бы на горизонте никого нет, а те, кто идут как бы за нами, на достаточном расстоянии.

— Некоторые однокурсники как бы невзначай пытались узнать у меня, правда ли, что я приехала сегодня с тобой...

— Предсказуемо. Ну, думаю, теперь они убедятся, что слухи правдивы.

Да что ж он такой... непробивной. А у меня время поджигает. Мне надо бы хоть как-то что-то о нём узнать, чтобы понять, на чём и как можно играть. А без этого всего сразу попросить о покровительстве над папой фиг там решусь.

И при всём этом время поджигает. Действовать надо

быстро.

Не придумываю ничего лучше, чем вывести его на непринуждённый диалог в том самом ресторане, куда мы обедать приезжаем. И ведь Золотов поддаётся. Обсуждаем само место, у кого как прошёл день, какие планы на вечер. Вроде бы живо идёт диалог, а никакого особого эффекта нет. Я даже не чувствую, что Илья сказал что-то значимое. Что мне с того, что сегодня он собирается поехать в офис к отцу, как обычно делает по вечерам, набираясь опыта в подработках?..

Вот уже время для следующей пары, на которую меня Илья провожает, поцеловав в щёку и потрепав по волосам. Волна дурацкого смущения затапливает даже от таких простых его действий. Невозможность разгадать этого мажора заставляет думать о нём и его жестах всё чаще, тогда как я уже должна действовать. Действовать, а не всё острее реагировать на него.

Эта пара проходит вроде бы более-менее нормально. Несколько прямых вопросов от однокурсниц, всё ли у меня серьёзно с Ильёй, меня не особо-то беспокоят. Главное, что не обсуждают тему моего отца, который под серьёзной угрозой вот-вот сесть в тюрьму.

Что ж... Последняя пара в другом корпусе — корпусе иностранных языков. До него чуть дальше, чем обычно. Он вообще за воротами универа, и идти к нему надо через двор.

Направляюсь я в одиночестве. И, кажется, это ошибка, потому что стоит только свернуть, как путь мне преграждают

сразу трое.

— Опа, деваха Золотова, — раздаётся насмешливое сле-
ва.

Не ожидала, что это неприятно взволнует кого-то из парней. Думала, от девушек больше всяких подлянок ждать надо будет. Но эти трое сомнительных с виду крепких ублюдка одним своим видом говорят об обратном — с девчонками разобраться было бы проще.

Отвисаю и решаю просто обойти их, не говоря ни слова.

— Уже зазвездилась, да? — увы, преграждает мне путь самый мерзкий из них. — Ты это... Признавайся давай, сколько бабок твой папаша уже умыкнул.

Леденею. Вот оно, то, чего я боялась — упоминание моего отца и прогремевшего на всю страну уголовного дела. За сегодняшними разговорами про меня и мажора я уже надеялась, что дальше теперь обойдётся без этого.

Раздаются смешки. Бегло оглядываю обоих — у одного в руке тлеющая сигарета, у другого — открытая банка пива. И что эти трое вообще делают в универе? Таких раньше отчисляли вроде бы.

— Так это, баблом делиться надо, — бросает тот, что справа. — А то не по-христиански как-то. Разжилась, так делись.

— Или раскрой секрет, как ты так быстро из дочери уголовного в девушку мажора переквалифицировалась?

Ой какие мы слова, оказывается, знаем. Пытаюсь просто

обойти их — не позволяют. Да и шансы у меня... Оглядываю двор — не похоже, что кто-то тут вмешается, хотя периодически студенты мимо проходят. Но то ли не решаются вступить, то ли не то чтобы сочувствуют мне.

Сжимаю лямку сумки почти до боли.

— Ребят, отпустите, по-хорошему прошу, — пытаюсь убедить хотя бы словами.

— По-хорошему, — мерзко скалится самый главный из них. — Вы слышали, парни? Это угроза?

— Мы просто логику понять хотим, — заявляет второй, причём почти мягко, но тон явно обманчивый. — Илья Золотов и такая, как ты. Внезапненько так. Или, может, он тоже что-то отмыкает и был в связке с твоим папашей?

Снова смотрю по сторонам. Неужели никто не вмешается? Вокруг ведь люди, причём посматривают на нас. Периодически останавливаются. Может, не считают, что есть реальная угроза?

У кого-то в глазах любопытство, у кого-то даже нетерпение — похоже, они ждут продолжение, а не собираются быть участниками.

Жар гоняет по коже от злости, унижения и бессилия.

— Пройти дайте уже наконец, — откровенно огрызаюсь, потому что присутствие хоть и безучастных, но свидетелей, немного повышает уверенность.

Они меня не слушают. Точнее, делают наоборот — приближаются так, что я улавливаю запах сигарет и дешёвого

алкоголя.

— А то что? Тоже...— договорить тип не успевает.

Вздрагиваю от резкого звука удара. А только что разговарившее быдло как сметает невидимой силой — пошатывается и хватается за нос. Кажется, вижу, что там кровь.

Не сразу понимаю, что происходит. Лишь когда вижу Илью, бросающегося уже на двух остальных. Технично, уверенно, яростно. Даже ещё более сильно, чем когда лупил грушу.

Ответить ему они то ли не решаются, то ли не успевают. Дёргаются только. Сглотнув, смотрю на Илью — уработав обоих, стоит спокойно, словно и не двигался всё это время. Без рюкзака, без куртки — просто в чёрной футболке, будто только что выскочил непонятно откуда. Лицо привычно спокойное, почти расслабленное, но в глазах я никогда раньше не видела у него такого взгляда. Холодного, тяжёлого, без капли привычной ленивой скуки. Жутковатого даже. Особенно в сочетании с его боевыми способностями.

— Я, кажется, не расслышал, — заговаривает Илья, обращаясь к тем, кто окружал меня. — Что вы там говорили про мою девушку?

Такое ощущение, что тишина вокруг становится абсолютной, подчёркивая голос мажора и его вопрос, повисший в воздухе.

Ближайший ко мне выпрямляется, явно пытаюсь храбриться, в отличие от остальных вторых. Вытирает кровь с гу-

бы, покосившись на того, кто центре и кто вроде как главным из них казался, а на деле стушевался одним из первых.

— Да ты не так нас понял, — начинает этот самый ближайший ко мне. — Мы просто... шутили.

— Я не расслышал шутки, — Илья угрожающе шагает вперёд, на что этот храбрыющийся дёргано отступает. — Повтори.

— Илья, — делаю к нему неопределённое даже для самой движение.

Не знаю, насколько адекватная идея останавливать его сейчас, когда прилюдно устанавливает правила на мой счёт. Но... Всё-таки в действиях Ильи чуть ли не ярость какая-то животная чувствуется за маской хладнокровия. Мне не по себе. Такое ощущение, что в любой момент рвануть может.

Золотов не обращает на меня внимания. Только чуть поворачивает голову, так мимолётно, что это скорее случайность.

— Я жду, — обращается именно к заговорившему.

Но тот как будто и слово выдать не способен. Только бледнеет осязаемые. Его типа друзья, которые недавно так нагло скалились, вообще головы опускают и ковыряют асфальт носками кроссовок. Даже я чувствую, насколько нервничают. Да и в наблюдающей за нами толпе чувствуется напряжение.

— Значит, нечего повторить, — Илья кивает, как будто происходит что-то обыденное и ожидаемое. — Тогда запом-

ните раз и навсегда.

Он делает ещё шаг, умудряясь этим движением вселить угрозу сразу в троих. А потом добавляет, всё так же негромко, но этим ещё сильнее убедительно:

— Аврора — моя девушка. Это значит, что любые вопросы, претензии, шутки или попытки выяснить что-то про её семью проходят через меня. Понятно?

Тот, что в центре, судорожно и шумно сглатывает. Все трое кивают. Такое ощущение, что кивают даже и те, кто просто фоном стоит и смотрит на нас.

— Голосом, — жёстче приказывает Илья. — Все трое. Живо.

Не видела раньше Золотова таким... Всегда казался идеальным, правильным таким. Хотя он и сейчас совершенен — в том, как сыпать угрозами, эффектно воздействовать даже на таких отмороженных. И в мордобое, кстати, тоже.

— Да, — выдавливает первый.

— Понял, — второй.

— Конечно, — поддакивает третий.

— Отлично, — Илья разворачивается ко мне с привычно-невозмутимым видом, будто только что он не разбивал кому-то лица посреди университетского двора, да ещё и выскочив в одной только футболке из ниоткуда. — Идём.

Он берёт меня за руку, почему-то таким простым жестом заставляя врасплох. Переплетает наши пальцы, ведёт меня прямо к корпусу иностранных языков. Шагаю как в тумане,

особенно остро чувствуя на себе взгляды. Там явно больше нет насмешек... Успеваю уловить зависть, любопытство и даже смесь восхищения с уважением.

Вот мы уже подходим к аудитории, где у меня будет пара. Причём привёл меня сюда Илья, а не я его. Заглядывал в моё расписание?

Поддавшись порыву, оттаскиваю его чуть подальше. К коридорчику, где сейчас никто из студентов не толпится. Золотов озадаченно хмурится, но поддаётся.

Неужели реально не понимает, почему я сейчас хочу наедине поговорить? Для него, кажется, ничего такого и не случилось. А я до сих пор, мягко говоря, под впечатлением от его устрашающих способностей.

— Ты зачем это было? — неуклюже начинаю. — Я бы сама

— Сама бы что? — Илья вроде бы всё так же невозмутим, но я улавливаю его напряжение. — Сама бы позволила им поливать тебя грязью? А то и зайти дальше, начать тебя шантажировать, разводить на бабло?

— Я не позволила бы, — возражаю, хотя ни разу в этом не уверена. Если уж честно, Илья прав: всё именно к тому и шло. — Я бы нашла способ без этого... кровопролития.

— Способ, — нехорошо ухмыляется Илья. — Видел я твои способы. А о кровопролитии ты явно ничего не знаешь: оно даже не начиналось.

Ничего себе не начиналось... Да те трое теперь, наверное, собственной тени бояться будут.

Поднимаю голову, чтобы смотреть Илье прямо в глаза. И готова поклясться, что вижу там опасный блеск, непонятный такой, вышибающий меня осознанием, что я сама не знаю, с кем связалась вообще.

А ведь изначально чувствовала, что что-то не то есть с этой безупречной репутацией мажора... Не бывают люди такими идеальными, каким по ней рисуется он.

— Когда ты со мной, ты под моей защитой. По-моему, это очевидно. Сегодня я сам заметил ситуацию, которую надо было пресечь, но в дальнейшем жду сигналов и от тебя, если понадобится. Никто даже думать не должен о том, чтобы позволять себе лишнее. Понятно?

Спрашивает почти как тех быдланов... Чуть мягче, да, но с напролом, не позволяя даже думать о том, чтобы дать другой ответ.

— Понятно, — выдавливаю, хотя внутри всё ещё бурлит противоречие. И настойчивое такое ощущение, что как раз лишнее себе позволяет именно Илья в этой своей тотальной защите. Хотя... Если это потом коснётся и папы, то я должна смириться. — Но ты мог бы просто пригрозить. Необязательно было бить. Кажется, тебя готовы слушаться и так, — всё-таки не сдерживаюсь, чтобы не добавить.

Илья ухмыляется одним уголком губ, продолжая смотреть на меня серьёзно.

— С такими, как они, слова не работают, — помолчав немного, он добавляет небрежно: — Если бы я им просто

сказал, было бы не так доходчиво ни для них, ни для публики. А так усвоили информацию.

Вообще да, наверное, Илья прав... Вот только не слишком ли старается? Достаточно просто изображать моего парня — с остальным справлюсь сама. По крайней мере, наш первоначальный уговор предполагал именно это. Мы же просто играем роли, зачем вкладываться так, будто это реально?

Понятно, что мне-то только выгода получается. Но я никак не могу раскусить мотивы Ильи, и это всё-таки конкретно так ломает голову.

— Пожалуй, — вздохнув, соглашаюсь. — Спасибо.

— Не за что, — отстранённо бросает Илья. — Иди на пару. Опоздаешь.

Машинально разворачиваюсь, делаю несколько шагов, как тут же останавливаюсь. Снова поворачиваюсь к Золотову, который всё ещё стоит на месте.

— Я тут подумала... — мысли слишком яркие и сами прорываются вслух. — Ты без рюкзака и в одной футболке появился из ниоткуда. Как так вышло?

Как будто сорвался... Я не смотрела расписание Золотова, но может ли так получиться, что совпало, что у него как раз заканчивалась пара в этом самом корпусе, и мою ситуацию было видно в окне аудитории?

Взгляд у Ильи всё такой же непроницаемый.

— Вокруг достаточно людей, желающих мне угодить, — бросает небрежно. — От одного из них получил сообщение

с фоткой, как тебя прессует. Сорвался, чтобы успеть. Мне не нужно, чтобы потом говорили, что мою девушку кто-то спокойно донимает. Это удар по моей репутации.

Вздрагиваю от последнего предложения. Репутация... Ну конечно, дело именно в этом. Для Ильи Золотова это ведь самый важный вопрос, судя по всему.

— Понятно,— выдавливаю. — Ну что ж, теперь тебе пора за своими вещами, если, конечно, желающие тебе угодить не принесут их прямо сюда.

— Разберёмся, — в его голосе какая-то дерзкая, хоть и лёгкая насмешка. — А теперь иди-ка сюда.

Застываю. Холодок пробегает по спине. Скорее машинально бегло оглядываюсь — ну да, на нас снова смотрят... Логично, что скорее напряжённый разговор надо завершить какой-то близостью или намёком, что у нас всё хорошо.

Вот только мне всё сильнее не по себе. И, кажется, Илья это видит то ли в моём взгляде, то в неуверенных шагах, которые я всё-таки делаю к нему.

Правда, ничего не говорит и вообще не даёт мне прийти в себя, сразу накрывая мне губы своими. Такой горячий поцелуй, требовательный, сразу с языком. У меня внутри всё сжимается от такого резкого перехода из напряжённого разговора, от напора и ощущения близости Золотова, который по-прежнему в одной только футболке сверху. И моя попытка вцепиться ему в плечи, чтобы хоть чуть остудить застаёт меня же врасплох, потому что касаюсь я обнажённых бицеп-

сов. И очень даже развитых. По телу пробегает дрожь.

Не представляю, зачем шевелю губами в ответ. Ведь не сомневаюсь, что со стороны наш поцелуй и без того выглядит достаточно убедительно: Илья прижимает меня слишком сильно, почти до боли, и в действиях настолько жадный... Наверняка это смотрится ну крайне бесстыдно и неприлично. Его пальцы уже забираются мне под кофту, игнорируя лёгкую курточку, которая всё ещё на мне. Правда, распахнутая...

Это имел в виду Илья, говоря, что позволяет себе с девушками всё, что захочет? Я всё ещё не должна сопротивляться?

Я тогда совсем в его власти, получается... И сама себя на это подписала.

А Золотов слегка прикусывает мне губу, зализывает, одновременно с этим с нажимом ведя ладонями мне по телу. Добирается и до попы...

Тут я уже не выдерживаю и впиваюсь ногтями ему в плечи. Так, чтобы это не было заметно никому, кроме него. Хотя если Золотов не внемлет, придётся оттолкнуть его прилюдно, потому что это, блин, слишком. И сразу вспоминаются его насмешливые слова, что хотел проверить, насколько я в отчаянии. Ну, в тот момент, когда предлагал мне восполнить пропадающий из-за меня секс с другими девчонками.

Может, Золотов испытывает меня и сейчас?

Боже, как не хватает способности определять, что у человека на уме... С Ильёй она ну вот очень нужна.

Он всё-таки отстраняется. Не сразу, чуть оттягивая мне верхнюю губу своими. А потом, хмыкнув чему-то, просто разворачивается и уходит.

Оставляя меня с навязчивым таким ощущением, что что-то тут не так... У Золотова определённо есть свои мотивы во всей этой игре.

Та

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.